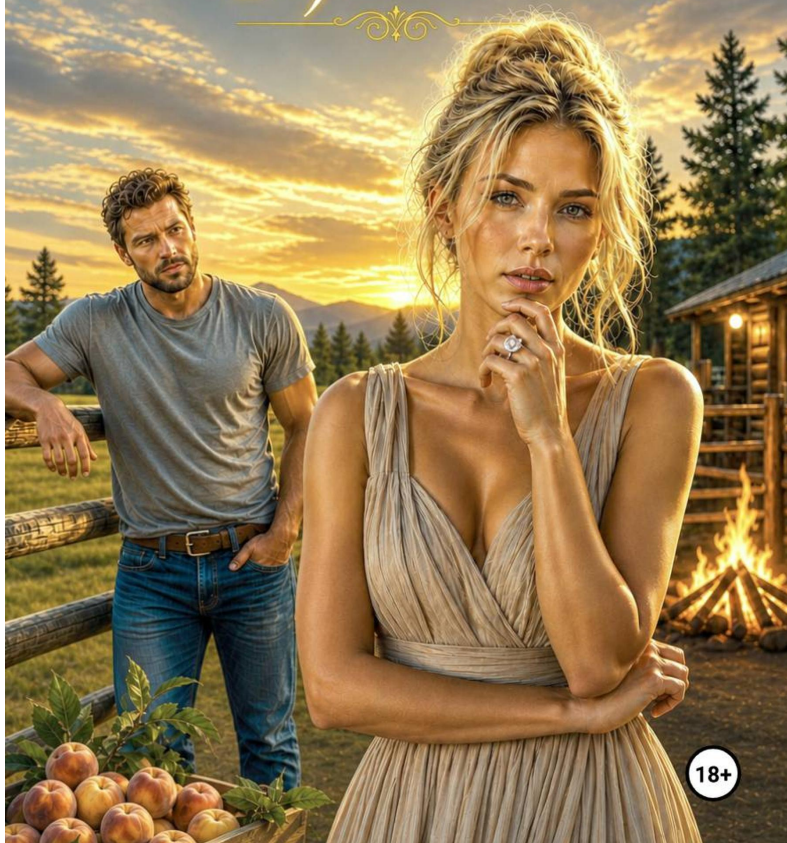

КАТЕРИНА СНЕЖНАЯ

Чужая невеста. Верни меня.

Катерина Снежная

Чужая невеста. Верни меня

<https://litres.ru/74174757>

SelfPub; 2026

Аннотация

Привезти столичного жениха в родной дом было ошибкой. Но я просто хотела доказать себе, что прошлое мертво.

Я ошиблась.

Потому что бывший всё еще здесь. Пять лет назад этот упрямый, гордый фермер отпустил меня без единого слова. Я выучилась жить без него, надела чужое кольцо и привыкла к дорогим ресторанам. Но стоило мне снова увидеть его широкие плечи и потемневшие глаза, как вся моя московская броня разлетелась в пыль.

Он ненавидит моего жениха. Он не собирается уступать. И он всё еще вызывает во мне такое притяжение, с которым невозможно бороться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Катерина Снежная

Чужая невеста. Верни меня

Глава 1

Глухой, бархатный щелчок футляра прорезался даже сквозь тягучий джаз и ровный, сытый гул ресторана.

Вокруг нас пульсировала вечерняя Москва. За соседним столиком приглушенно смеялась женщина в шелках, тонко звенел хрусталь — сомелье разливал вино, а в воздухе тяжелой, гурманской взвесью висели ароматы трюфельного масла, обжаренных морских гребешков и расплавленного пармезана.

А передо мной, на белоснежной скатерти, лежал огромный, пугающе идеальный бриллиант.

Марк подался вперед. От него пахло привычным столичным лоском: острой свежестью бергамота, хрустящим крахмалом рубашки из дорогой химчистки и едва уловимой нотой кожи из салона его нового внедорожника. Запах успеха. Запах абсолютного контроля над своей жизнью. И над моей.

— Выходи за меня, Катюш.

Его голос дрогнул ровно настолько, чтобы это прозвучало интимно, но не лишило его хозяйского превосходства.

У меня спазмом перехватило гортань. Вместо ожидаемого взрыва девичьей радости, где-то под ребрами начал стремительно разрастаться ледяной шар. Воздух в VIP-зоне внезапно показался слишком плотным, кондиционированным до мертвой синтетики.

Сказать «да» означало поставить точку. Навсегда закрепить ту тяжелую, глухую обиду в голосе матери, когда мы созваниваемся по вечерам. Я физически ощутила, как мама в далеком Муромцево поджигает губы, глядя в экран смартфона на мою новую московскую стрижку, а отец молча уходит на кухню, потому что их единственная дочь окончательно стала «столичной штучкой», для которой карьера важнее семьи.

Но хуже всего было другое. Сказать «да» Марку означало навсегда отрезать себе путь к прошлому. Одно воспоминание о его лице, о том глухом, упрямом молчании на перроне омского вокзала пять лет назад и грудную клетку стянуло так, что стало больно дышать.

Я моргнула и посмотрела на Марка. Он надежный. Мужчина, который решал проблемы одним звонком. Осторожно, кончиком указательного пальца сдвинула бархатную коробочку обратно по скатерти.

— Марк... — голос прозвучал так скрипуче, словно я молчала целую неделю. — Это... неожиданно.

Бархат уперся в его пальцы.

— Но? — теплая уверенность в его глазах мгновенно кри-

сталлизовалась. Взгляд стал сканирующим. Он был инвестором и органически не переносил сорванных планов.

— Мне нужно уехать. Завтра утром, — я с силой втянула в себя воздух, разрывая невидимую удавку. — Встреча одноклассников. Ты же знаешь, я планировала поездку полгода. Мне нужно... выдохнуть перед выставкой. Увидеть родителей. Побывать одной.

— Я лечу с тобой, — припечатал он. Не вопрос. Констатация факта.

— Марк, это моя малая родина, а не курорт. Там обычный поселок, куча родственников, родительский быт и суета. Тебе там просто нечего делать.

— Я не отпущу свою женщину одну за тысячи километров. — Желваки на его лице дрогнули, выдавая скрытое раздражение.

Он не стал закрывать футляр. Вместо этого его крупные, горячие пальцы жестко перехватили мое запястье. Марк потянул мою руку к себе через стол, игнорируя мое рефлексное сопротивление, и плавным, отработанным движением вбил тяжелый платиновый ободок мне на безымянный палец.

Металл впился в кожу ледяным холодом. Я вздрогнула.

— Съездишь к родителям. Подумаешь там, в тишине, — он улыбнулся, мягко погладив меня по пальцам, но хватку не ослабил. Сила в его пальцах показалась стальной. — Но назад в Москву ты вернешься моей невестой.

Я опустила глаза. Бриллиант жадно и торжествующе ловил ресторанные блики. Но я физически чувствовала лишь одно: на моей руке только что защелкнулся очень красивый, очень дорогой наручник.

Свободной рукой машинально поправила бретельку своего платья. Тонкий бежевый шелк струился по коже прохладной водой. Я мельком поймала свое отражение в темном стекле панорамного окна: длинные, ухоженные волосы, идеальный тон лица, сдержанно-дорогая одежда. Картинка. Идеальное дополнение к его безупречной жизни.

Мы познакомились три года назад на моей первой, полуподвальной выставке на Винзаводе. Тогда я была просто вымотанной девчонкой с тяжелой зеркалкой на шее, отчаянно пытающейся выжить в столице. Он зашел случайно. Молча прошелся вдоль стен, посмотрел на меня своим цепким, спокойным взглядом и, не торгуясь, купил самую дорогую работу.

А потом так же уверенно вошел в мою жизнь.

Марк не ломал меня и не принуждал. Он просто взял на себя все мои проблемы. Перевез в просторную квартиру с видом на Сити, оплатил лучшую аппаратуру, нанял агента для моей новой выставки. Наш быт быстро превратился в отлаженный, невероятно комфортный механизм: его утренний эспрессо и биржевые сводки, мои фотосессии, совместные ужины в ресторанах, где официанты знали нас по именам. Я жила как за надежной каменной стеной.

Но только сейчас, чувствуя тяжесть платины на безымянном пальце, я вдруг осознала пугающую вещь. Марк дал мне всё, о чем только может мечтать женщина. Он окружил меня абсолютной заботой. Но в этом идеальном, отполированном мире мне почему-то отчаянно не хватало чего-то еще...

Я подняла взгляд на Марка, чувствуя, как узел в груди немного расслабляется. Заставив себя отпустить напряжение, искренне, тепло ему улыбнулась и кивнула.

— Ты прав. Это хорошая идея, — накрывая его ладонь своей свободной рукой. — Мне правда нужно время, чтобы окончательно закрыть старые двери, прежде чем открывать новые. Давай так: я дам тебе ответ в Омске, перед нашим вылетом обратно в Москву.

Марк удовлетворенно кивнул, его глаза потеплели. Мы поняли друг друга.

За три года он дал мне то, что многие ищут всю жизнь: надежность, поддержку и комфорт. Я искренне хотела сказать ему «да» и стать его женой. Но глубоко внутри я понимала: чтобы это «да» было честным, мне нужно вернуться в Муромцево и убедиться, что в моем сердце не осталось ничего, кроме подростковых воспоминаний.

Глава 2

Июльское солнце пекло нещадно, выжигая траву до беле-
сого хруста.

Иван с силой вогнал гвоздодер под шляпку заржавевшего
гвоздя и рванул на себя. Оторванная доска левады с глухим
стуком упала в горячую пыль. Он выпрямился и стер тыль-
ной стороной ладони пот со лба. Выцветшая футболка на-
мертво прилипла к спине. Физическая работа на износ все-
гда помогала заглушить мысли, но сегодня внутри всё кло-
котало от липкой, темной тревоги.

И пока воздух гудел от зноя и стрекота кузнечиков, за спи-
ной раздался хриплый голос брата.

— Ты так скоро всю ограду на дрова разберешь.

Он стоял в тени навеса у конюшни, лениво отмахиваясь
кепкой от слепней. В руке он держал запотевшую бутылку с
ледяной водой.

— Сгнила нижняя балка.

Солнце ударило в лицо Ивана, подчеркивая глубокий за-
гар и жесткую трехдневную щетину. Пронзительно-зеленые
глаза на миг потемнели и посмотрели исподлобья колюче и
тяжело. Лев подошел ближе, кинул ему бутылку.

— Балку менять надо, да. А вот трактор чинить не на что.
Вчера из банка звонили. Платеж просрочен. Если до конца

месяца не закроем пришлют комиссию описывать технику.

Крупные ладони в жестких, желтоватых мозолях ловко поймали воду, плотно обхватили пластик. Он запрокинул голову, делая жадные глотки. Долги... Чертовы долги... Куда без них? Подавил вздох на привычную реальность вечную, выматывающую борьбу за выживание.

— Закроем, — хрипло отозвался. — Фермеры из Тары заберут двух годовалых жеребцов. Деньги будут в пятницу.

Лев помолчал, внимательно изучая сжатые кулаки брата и его тяжелый взгляд.

— Ты с самого утра как с цепи сорвался. Впахиваешь по такой жаре, будто хочешь кого-то убить. Или от себя убежать. — он тяжело выдохнул. — Она сегодня прилетает, да?

Лом в руках брата замер. Металл звякнул о камень, когда он непроизвольно разжал пальцы.

Одно короткое «она» и весь его выстроенный годами бастион пошел трещинами. Память услужливо, с кристальной яркостью подкинула картинку. Прямо здесь, на верхней перекладине этой самой левады, она сидела пять лет назад. Его Катюха. С растрепанными ветром русыми волосами, босая, смеющаяся. Он помнил до дрожи в пальцах, какими мягкими были ее губы, помнил запах кожи, нагретой солнцем, пахнувшей луговой земляникой и чем-то неуловимо родным. Как она спрыгивала прямо в его руки, утыкалась носом в шею и шептала, что больше никто в мире не нужен.

А потом ...

Сердце болезненно сжалось, словно его стиснули железными тисками. Она стояла перед ним, обнимая себя за плечи, и плакала. Она ждала. Всего одного слова...

Ему хотелось упасть перед ней на колени. Вцепиться в нее, прижать к себе так крепко, чтобы ребра затрещали, и никогда, никому не отдавать. Он посмотрел на свои вьевшиеся в кожу мозоли, вспомнил стопку банковских уведомлений на кухонном столе и промолчал. Как он мог привязать ее светлую, талантливую к своим кредитам, навозу и вечной нищете? Ей нужно было летать. А он мог предложить ей только клетку, пусть и сплетенную из сумасшедшей любви.

Тогда молчание убило ее. Он видел, как погас свет надежды в глазах, когда она шагнула в вагон. В тот момент, казалось, он умер вместе с ней.

— Вань? — негромко позвал Лев, видя, как остекленел взгляд брата.

— Мне нужно закончить забор до обеда, — хрипло, едва узнаваемым голосом отрезал тот. Отвернулся, пряча глаза, и рывком поднял с земли тяжелую сосновую доску. Мощные мышцы на спине натянулись, как стальные канаты. — А кто там прилетает, меня не касается.

Он с чудовищной силой ударил молотком по шляпке гвоздя, одним махом вгоняя металл в дерево. Удар эхом разнесся над поляной. Потом еще один. И еще. Бил и бил по гвоздю, пытаясь заглушить запах земляники и отчаянный крик внутри о той, что он до сих пор любит.

К полудню старенький УАЗ плавно подпрыгнул на ухабе, поднимая за собой шлейф густой белесой пыли. Иван свернул на центральную улицу Муромцево. Райцентр плавился от полуденного зноя. Асфальт размяк, отдавая в открытые окна машины запахом раскаленного гудрона и пыли.

Иван припарковался у крупного сетевого магазина, заглушил мотор и вытер влажные ладони о джинсы. В кузове уже лежали пакеты с углем и маринованным мясом — вечером одноклассники собирались на берегу Тары. Оставалось забрать заказанные накануне фрукты.

Он вышел из машины, хлопнув тяжелой металлической дверью. Горячий воздух тут же покрыл тело коконом. Иван шагнул к крыльцу, и взгляд машинально зацепился за картонные ящики с абрикосами и персиками, выставленные местными торговцами под навесом.

Память сработала без предупреждения, как спусковой крючок.

Бархатистая кожица персика. Сладкий, липкий сок на ее подбородке. Им было по восемнадцать. Они сидели на обрыве над рекой, опустив ноги в прохладную воду. Она смеялась, пытаясь вытереть перепачканные пальцы об его футболку, а он перехватил ее запястья и целовал... жадно, вдыхая запах волос и нагретой солнцем кожи. Она смотрела на него огромными глазами и не шутя сказала: «Мы отсюда уедем, Вань. Обязательно. Построим свой дом, где-нибудь, где красиво». А он думал лишь о том, что для него «краси-

во» это только там, где есть она.

Он мотнул головой, отгоняя вкус сладкого сока на губах, и шагнул к дверям супермаркета.

В привычный, тягучий звуковой фон деревни разрезал чужеродный звук. Тихий, сытый рокот мощного двигателя. По гравию парковки, шурша широкой резиной, тихо катился арендованный черный «Ленд Крузер» последней модели. Огромный, глянцевый, с тонированными стеклами, он выглядел здесь так же уместно, как космический корабль на картофельном поле. Внедорожник плавно затормозил в двух метрах от старого, запыленного УАЗа.

Двигатель стих. Щелкнули замки.

Дверь пассажира открылась первой. На раскаленный асфальт опустилась изящная нога в светлой замшевой туфле, заставляя его замереть. Рука, тянувшаяся к ручке двери магазина, так и осталась висеть в воздухе. Дыхание перехватило, словно из легких разом выкачали весь кислород.

Она.

Его... И совершенно чужая одновременно. Вместо привычных джинсов и кед струящиеся светлые брюки палаццо и тонкая шелковая блузка, которая даже в изматывающую жару выглядела безупречно свежей. Волосы, он привык видеть растрепанными, помнил такими, теперь те лежали идеальной глянцевой волной. На глазах дорогие солнцезащитные очки, закрывающие пол-лица. Она стала лощеной, изысканной, недосыгаемой. Но линия шеи... Тонкая ключица. Изгиб

губ.

Ивана ударило током такой силы, что мышцы живота рефлекторно сжались до боли.

Следом хлопнула водительская дверь. Из-за капота внедорожника вышел мужчина. Высокий, подтянутый, в легких льняных брюках и рубашке. В каждом движении сквозила спокойная, вальяжная уверенность, которую дают только статус и власть. Чужак чуть притягивая ее к себе.

Внутри что-то с тошным треском оборвалось. Челюсти свело глухой судорогой, желваки перекатились под кожей, превратив лицо в каменную маску. Его замутило от физической, животной ревности. Пять лет он убеждал себя, что желает ей счастья. Пять лет запрещал себе даже думать о том, чьи руки будут ее касаться. Но сейчас, видя этого чужака, вторгающегося в его личное пространство, в пространство его женщины, Иван едва подавил инстинктивный, дикий порыв шагнуть вперед и просто оторвать этому ублюдку руку.

Катя подняла руку, чтобы снять темные очки. Солнечный луч скользнул по ее пальцам.

Вспышка.

Короткая, ослепительная искра резанула по его глазам. На безымянном пальчике, отражая сибирское солнце, горел огромный бриллиант.

Мир вокруг перестал существовать.

Глава 3

Стерлись звуки проезжающих машин, исчезла изматывающая жара, а воздух в легких превратился в раскаленное мессиво. Иван стоял, не в силах оторвать взгляд от кольца на ее руке.

В голове шумело. Кольцо не просто кричало о статусе. Оно ставило финальную точку, раздавив последние жалкие крохи надежды, которые как оказалось, всё это время он прятал на самом дне души.

Ее губы дрогнули, приоткрывшись, тонко напряглись плечи под шелком. В расширившихся глазах мелькнуло узнавание, затем шок, а следом какая-то отчаянная, почти беззащитная растерянность. Она сделала непроизвольное, рваное движение вперед, словно собираясь позвать по имени. Будто бы ожидала, что он сейчас бросится к ней, несмотря на пять лет, несмотря на мужчину рядом, несмотря ни на что.

Нужно было срочно убить в себе чертову надежду.

Иван смотрел на бриллиант, затем перевел взгляд на ее спутника, и, наконец, спокойно, в упор посмотрел в родные глаза. Заставил мышцы расслабиться. Стер с лица любые следы эмоций, оставив вежливое, глухое равнодушие. Натянул на себя панцирь, потому что если она сейчас увидит, что с ним... А каленым железом в грудину до крика, до мата...

он не выдержит.

— Здравствуй, — голос лег буднично, без единой интонации. Так здороваются с дальними родственниками на похоронах.

Катюха вздрогнула, словно он ударил ее наотмашь. Вся краска разом схлынула с красивого напряженного лица.

— Вань... — сглотнула. — Привет.

Мужчина рядом вопросительно вскинул бровь, переводя оценивающий взгляд с нее на высокого, широкоплечего парня в выцветшей футболке. Руку с талии не убрал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.